

SCRIPTA MANENT
Рукописи не горят. Рецензии

ПОЛИТИЗАЦИЯ ЭКОЛОГИИ: КРИТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Selby J., G. Daoust, and C. Hoffmann. *Divided Environments: An International Political Ecology of Climate Change, Water and Security*. Cambridge University Press, 2022. 362 p.

Шелби Я., Дауст Г., Хофманн К. Разделённая природа: международная политическая экология изменения климата, водных ресурсов и безопасности. Кембридж юниверсити пресс, 2022. 362 с.

«Теория всегда существует для кого-то и для каких-то целей».

Р. Кокс [Cox 1981]

На Западе прочно укоренился тезис, что глобальное изменение климата, вызванное антропогенными факторами, – один из ключевых вызовов международной безопасности. Соответствующие формулировки можно встретить в программных документах правительств и аналитических материалах. В Стратегии национальной безопасности США (2022) изменение климата называется «важнейшей и, возможно, экзистенциальной для всех стран» проблемой¹. В Национальном стратегическом обзоре Франции (2022) отмечается, что глобальное потепление создаст угрозы для продовольственной безопасности, ограничит доступ к водным ресурсам, увеличит число миграционных потоков и пандемий². В ежегодном докладе *Eurasia Group* среди десяти главных рисков глобальной безопасности в 2023 г. числится нехватка воды, которая станет «новой нормальностью»

в условиях «надвигающейся климатической катастрофы»³. В доминирующей парадигме общественной дискуссии именно дефицит природных ресурсов, вызванный климатическими изменениями, рассматривается как катализатор нестабильности.

Политический консенсус имеет в своём основании государствоцентричный подход к анализу проблем экологической безопасности, а академическое поле исследований менее гомогенно и испытывает подъём критических подходов. Новый значимый вклад в осмысление этих проблем вносит коллективное исследование Я. Шелби, Г. Дауста и К. Хофманна. Название книги представляет собой прямую отсылку к ставшей классической в политической экологии книге «Жестокие среды» [Peluso, Watts 2001] и сообщает контекст, в котором формировался авторский подход. В развитие идей Н. Пелусо и М. Уоттса работа Я. Шелби,

¹ National Security Strategy [Электронный ресурс] // White House. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf> (дата обращения: 13.06.2023). P. 9.

² National Strategic Review [Электронный ресурс] // SGDSN. 2022. URL: <https://www.sgdsn.gov.fr/files/files/rns-uk-20221202.pdf> (дата обращения: 13.06.2023). P. 7.

³ Top Risks 2023 [Электронный ресурс] // Eurasia Group. January 2023. URL: https://www.eurasiagroup.net/files/upload/EurasiaGroup_TopRisks2023.pdf (дата обращения: 13.06.2023). P. 24.

Г. Дауста и К. Хофманна направлена на деконструкцию существующего нарратива в сфере экологической безопасности.

По мнению авторов, климатический дискурс является противоречивым. Если на межгосударственном уровне климатические проблемы начали активно обсуждаться в 1970-х годах, то разработка чёткого понятийного аппарата началась только в рамках Межправительственной группы экспертов по изменению климата (МГЭИК) в конце 1980-х. Из-за этого какое-то время в заявлениях государств, выступлениях политиков не было ясности относительно источника климатических изменений (естественные или антропогенные факторы) и их характера (потепление или похолодание) [Koutsoyiannis 2021: 21].

Современный климатический дискурс фокусируется в первую очередь на негативных последствиях изменения климата, а возможности для технологического развития, которые появляются в рамках борьбы с климатическими угрозами, зачастую отходят на второй план. Помимо этого, говоря об угрозе безопасности в контексте изменения климата, каждый определяет её по-своему, делая акцент на безопасности на уровне индивидов, нации или всего мира. Наконец, авторы не находят доминирующий нарратив о причинно-следственной связи между безопасностью и доступностью природных ресурсов убедительным, ссылаясь на количественные исследования, дающие противоречивые результаты. Например, по данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН, количество доступных возобновляемых водных ресурсов на человека в Израиле (206 м³ на д.н./год) меньше, чем в Судане (862 м³ на д.н./год)⁴. Однако, несмотря на относительную (по сравнению с Израилем) доступность воды, именно в Судане острее стоят проблемы экономического развития и обеспечения устойчивости государства (с. 39). Другими словами, наличие ресурсов

не может само по себе гарантировать безопасность.

В центре внимания книги находятся водные ресурсы, и это объясняется рядом причин. *Во-первых*, на примере водных ресурсов можно отследить взаимодействие нескольких государств (что и делает авторы монографии). *Во-вторых*, с водными ресурсами связано утверждение о неизбежности водных войн, которое авторы стремятся опровергнуть. Для этого они в первую очередь подвергают сомнению распространённые утверждения, связанные с водными ресурсами и их доступностью. Например, человечество не только не испытывает дефицит водных ресурсов, но обладает ими в количествах, которые превосходят запасы всех других природных богатств. К тому же следует различать реальную их нехватку, которая возникает в определённый промежуток времени и к которой можно адаптироваться, от дискурса дефицита, конструируемого на общественно-политическом уровне для обеспечения интересов отдельных субъектов [Mehta 2010: 398]. Гидроэнергию можно достаточно легко заменить: в регионах, где водная генерация энергии недоступна, на помощь приходит ветер, а железные дороги становятся альтернативой водному транспорту и позволяют грузам и людям преодолевать длинные расстояния (с. 41). Одновременно с этим вода является не только источником жизни, но также несёт с собой смерть, поскольку вместе с ней приходят наводнения и эпидемиологические заболевания (с. 43). При помощи этих аргументов авторы стремятся показать, что в доминирующих общественной и академической парадигмах значение водных ресурсов искусственно преувеличено.

Помимо этого, Я. Шелби, Г. Дауст и К. Хофманн считают, что между дефицитом водных ресурсов и конфликтами нет каузальной связи. В начале XXI века риски спровоцированной климатическими изме-

⁴ Aquastat. Food and Agriculture Organization of the United Nations [Электронный ресурс] // URL: https://tableau.apps.fao.org/views/ReviewDashboard-v1/country_dashboard?%3Adisplay_count=n&%3Aembed=y&%3AisGuestRedirectFromVizportal=y&%3Aorigin=viz_share_link&%3AshowAppBanner=false&%3AshowVizHome=n (дата обращения: 13.06.2023).

нениями дестабилизации уменьшаются. Хотя связанные с окружающей средой вооружённые столкновения и угрозы объективно существуют, равно как и растущее негативное влияние человеческой деятельности на экологию, они в большей степени определены политическими и экономическими факторами. По мнению авторов, нельзя утверждать, что рост конфликтности между субъектами может быть спровоцирован увеличивающимся дефицитом ресурсов на фоне климатических изменений. Изменение климата может способствовать активизации процессов государственного и национального строительства, трансформировать и легитимировать их. И уже эти процессы будут оказывать решающее влияние на конфликтный потенциал отношений.

Оспорить представления о влиянии изменения климата на остроту проблем безопасности авторам помогает аргумент методологического характера. Устоявшийся нарратив основан на прогнозных оценках, которые сложно поддаются верификации и неоднократно демонстрировали свою слабость (с. 12). Нынешний экодетерминизм, по мнению исследователей, выступает логически необъяснимым примером возрождения мальтузианского подхода к анализу и прогнозированию социально-экономической динамики (с. 55). Хотя у него всё ещё есть последователи [Foltz 2003; Radkau 2013; Vogelaar et al. 2018] и некоторые учёные продолжают рассматривать климатические изменения как причину социальных потрясений [Sheffield, Wood 2011; Middleton 2012], увеличивается число альтернативных оценок, подкреплённых археологическими данными. Они доказывают, что на нестабильности общественных систем в большей степени оказывают воздействие социально-политическая дезорганизация, экономические проблемы и демографические тенденции [McAnany, Yoffee 2010; Cunningham, Driessen 2021].

Я. Шелби, Г. Дауст и К. Хофманн предлагают изучать климатические изменения с точки зрения политической экологии. Методологический аппарат политической экологии (с. 18) – наследие критических

теорий, в том числе критического марксизма и неокOLONИАЛЬНЫХ исследований. Главное преимущество этого подхода авторы видят в отсутствии редукционизма. В частности, в отличие от ресурсоцентризма (и в более широком контексте эконоцентризма), который доминирует в современных исследованиях, для политической экологии изменение климата представляется многоаспектным явлением, а не исключительно экологической проблемой (а экологическая катастрофа не является единственно возможным сценарием для человечества). Политическая экология учитывает то, как группы интересов формулируют свои предпочтения, а также социально-экономические условия для реализации этих предпочтений, что обогащает набор используемых методов (дискурс-анализ, количественный анализ). В качестве доказательств центрального тезиса в исследовании рассматриваются пять примеров разделённых экосистем, в которых природные ресурсы стали предметом острых внутренних или международных противоречий: Израиль и Палестина; Сирия; Кипр; Судан и Южный Судан, регион озера Чад.

Анализ этих разных случаев дополняет и уточняет основное положение монографии об отсутствии каузальной зависимости между нехваткой ресурсов и конфликтами. В частности, авторы рекомендуют не преувеличивать роль географии – она мало говорит о реальной ситуации с природными ресурсами. В капиталистической экономике жизнь обеспечивают не природные ресурсы как таковые, а возможность их контролировать (власть), извлекать (богатство) и эффективно использовать (технологии). В дополнение к этому пункту важную роль играет уровень социальной организованности [Sargentis et al. 2021: 379]. Эти тезисы доказываются на примере Израиля. В 1950-х – 1960-х годах там была создана глубокоинтегрированная система водоснабжения с многочисленными подземными трубопроводами, открытыми каналами, резервуарами и насосными станциями. Благодаря ей вода стала доступной для сельского хозяйства, особенно

в прибрежных и южных районах, отдалённых от бассейна реки Иордан. Будучи страной низовья, Израиль превратился в главного потребителя воды из этой реки. Для этого были мобилизованы политические, административные и технические ресурсы, а результатом стало укрепление израильской государственности (с. 143).

По мнению Я. Шелби, Г. Дауста и К. Хофманна, значимость воды для экономики и политики в целом снижается. Логичным следствием этой тенденции становится уменьшающееся количество конфликтов, связанных с доступом к водным ресурсам. Гораздо более важными оказываются другие природные богатства. Например, нефть, что показывает история с озером Чад. На протяжении XX века его объёмы сокращались так стремительно, что стали говорить о возможности его полного исчезновения. В течение нескольких лет страны региона стремились внести озеро в Список всемирного наследия ЮНЕСКО, но в 2020 г. правительство Чада попросило приостановить рассмотрение заявки из-за вновь подписанных соглашений с нефтяными компаниями о добыче нефти (с. 299). Получается, что борьба за сохранение доступа к водным ресурсам оказалась менее важной для государства по сравнению с возможностью извлечения выгоды из эксплуатации нефтяных запасов.

Авторы книги не только подвергают критике тезис о конфликтогенности ресурсного дефицита, но и предлагают уделять больше внимания анализу влияния конфликтов на природные ресурсы (соотношение «конфликты—ресурсы»). Во многих случаях в так называемых водных конфликтах ресурсы становятся инструментом и целью вооружённых столкновений, равно как их состояние также напрямую зависит от последних [Petersen-Perlman et al. 2017]. По данным Всемирного банка, к 2017 г. в результате продолжающихся боевых действий в Сирии были повреждены или разрушены около двух третей водоочистных станций, более половины насосных станций, треть водонапорных башен. В результате хозяйственная деятельность в затронутых регионах стала

невозможной, что привело к массовым перемещениям людей. Авторы книги считают, что подрывы водной инфраструктуры были подчинены чёткой цели: очистить контролируемые оппозицией территории от гражданского населения и, сделав их непригодными для жизни, не допустить возвращения туда мирных жителей (с. 214).

Даже если рассматривать соотношение «ресурсы—конфликты» (а не «конфликты—ресурсы»), то одна лишь доступность природных ресурсов не может гарантировать мир. С точки зрения неофункционализма региональное экономическое сотрудничество способствует появлению общих, преодолевающих национальные границы интересов и повышает доверие, которое позднее может распространиться на другие сферы, как, например, в случае с интеграцией в Европейском Союзе [Haas 2004]. Тем не менее на практике так происходит далеко не всегда. Созданная в 1980-х годах турецкими и греческими инженерами инфраструктура по очистке сточных вод в Никосии — разделённой столице Кипра — могла бы считаться убедительным примером сотрудничества между двумя конфликтующими сторонами. Тем не менее создание этой инфраструктуры стало заслугой не только инженеров, но и двух муниципальных лидеров, которые, будучи заинтересованными в собственном переизбрании, продвигали позитивную общую повестку. До сих пор в городе фактически существуют две независимые водоочистные системы, регулируемые разным законодательством, а функционирование общих элементов возможно благодаря неформальным договорённостям (с. 247). Не признающие друг друга стороны не стали сотрудничать в других областях, «эффекта перелива» не произошло. Это говорит о том, что доступность ресурсов и факт сотрудничества по отдельному вопросу не уменьшают уровень конфликтности в отношениях между субъектами.

Лейтмотивом книги можно считать тезис о том, что климатическая повестка — это гибкий инструмент реализации не связанных с природоохранной деятельностью

интересов, своего рода метанарратив XXI века. С помощью пяти выбранных случаев авторы стремятся показать, что отсылкой к экологическим проблемам можно легитимировать действия, которые нуждаются в обосновании, или отвлечь внимание от истинных причин проблем. Почему, например, Франция обеспокоена возможным исчезновением озера Чад? Причина не столько в стремлении сохранить водоём, сколько в том, что в Центральной Африке у Парижа особые интересы (с. 98). Участвуя в создании соответствующей повестки, Франция сохраняет возможность влиять на ситуацию в регионе. Авторы берут за основу модифицированный афоризм Роберта Кокса: климатическая повестка всегда существует для кого-то и для каких-то целей.

Несмотря на категоричность предлагаемого подхода, он имеет определённую объяснительную силу. Взгляд на экологические проблемы через призму политической экологии предлагает дополнительные аргументы, объясняющие отсутствие ощутимого прогресса в многостороннем экологическом сотрудничестве [Neal, Kunreuther 2017]. Если представители неонституционализма ссылаются на категорию «общего блага», которая лежит в основе экологических проблем и тормозит международное сотрудничество [Keohane, Victor 2016], то сторонники критического подхода делают это путём деконструкции существующего нарратива в сфере экологической безопасности.

Евгения Столярова

References

- Angelakis A., Vuorinen H., Nikolaidis C., Juuti P., Katko T., Juuti R., Zhang J., Samonis G. (2021). Water Quality and Life Expectancy: Parallel Courses in Time. *Water*. Vol. 13. No. 752. P. 1–15. URL: https://res.mdpi.com/d_attachment/water/water-13-00752/article_deploy/water-13-00752-v2.pdf (accessed: 10.08.2023).
- Cox W.R. (1981). Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium – Journal of International Studies*. Vol. 10. No. 2. P. 126–155.
- Cunningham T., Driessen J. (eds) (2021). *Crisis to Collapse: The Archaeology of Social Breakdown*. Louvain-la-Neuve: Presses Universitaires de Louvain. 314 p.
- Haas E. (2004). *Uniting of Europe: Political, Social, and Economic Forces, 1950–1957*. University of Notre Dame Press. 592 p.
- Heal G., Kunreuther H. (2017). An alternative framework for negotiating climate policies. *Climatic Change*. Vol. 144. P. 29–39.
- Keohane R., Victor D. (2016). Cooperation and discord in global climate policy. *Nature Climate Change*. Vol. 6. No. 6. P. 570–575.
- Koutsoyiannis D. (2021). Rethinking Climate, Climate Change, and Their Relationship with Water. *Water*. 2021. Vol. No. 6. P. 1–38. URL: <https://www.mdpi.com/2073-4441/13/6/849> (accessed: 10.08.2023).
- McAnany P., Yoffee N. (eds) (2010). *Questioning Collapse. Human Resilience, Ecological Vulnerability, and the Aftermath of Empire*. Cambridge: Cambridge University Press. 392 p.
- Foltz R. (2003). Does Nature Have Historical Agency? World History, Environmental History, and How Historians Can Help Save the Planet. *The History Teacher*. Vol. 37. No. 1. P. 9–28.
- Mehta L. (2010). The social construction of scarcity: the case of water in western India. In R. Peet, P. Robbins, M. Watts (eds) *Global political ecology*. London: Routledge. P. 385–400.
- Middleton G. (2012). Nothing Lasts Forever: Environmental Discourses on the Collapse of Past Societies. *Journal of Archaeological Research*. Vol. 20. P. 257–307.
- Peluso N.L., Watts M. (eds) (2001). *Violent environments*. Ithaca: Cornell University Press. 464 p.
- Petersen-Perlmann J., Veilleux J., Wolf A. (2017). International water conflict and cooperation: challenges and opportunities. *Water International*. Vol. 42. No. 2. P. 105–120.
- Radkau J. (2013). Nature and Power: An Intimate and Ambiguous Connection. *Social Science History*. Vol. 37. No. 3. P. 325–345.
- Sargentis G., Koutsoyiannis D., Angelakis A., Christy J., Tsonis A. (2022). Environmental Determinism vs. Social Dynamics: Prehistorical and Historical Examples. *World*. Vol. 3. No. 2. P. 357–388.
- Sheffield J., Wood E. (2011). *Drought: Past Problems and Future Scenarios*. London: Routledge. 248 p.
- Vogelaar A., Hale B., Peat A. (eds) (2018). *The Discourses of Environmental Collapse: Imagining the End*. London: Routledge. 215 p.